

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Крупичатая
(Сибирские рассказы)

Рассказ.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0014
III.....	.0023
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0035

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
Крупичатая**

Вечер. Накрапывает мелкий осенний дождь, точно просеянный сквозь тонкое сито. По дороге медленно двигаются обозы. Бедные лошади вязнут в липкой глине и едва тащат тяжело нагруженные телеги.

«И куда это только везут столько товару? – думала Афимья, шлепая по грязи. – Везут, везут, и конца краю нет... А все в Торговище, на ярманку. Богатые московские купцы наехали теперь».

Идти пешком было тяжело, и Афимья делала частые передышки. У ней захватывало дух. А идти было нужно, чтобы успеть в Торговище, пока еще на постоялом не заснули. От Притыки до Торговища трактом считалось двенадцать верст. Была и прямая дорога, лугами, но Афимья ночным делом боялась идти по ней: долго ли до греха, ярмарочное время, еще обидят как раз, а по тракту народ день и ночь валом валит. Собственно, Афимья боялась не за себя – что с нее взять, больной и старой, а за таскавшуюся за ней дочь Соньку.

– Устала, Сонька? – спрашивала Афимья

время от времени, и в ее голосе звучала какая-то боязливая нежность.

– Есть хочу, мамынька...

– Ну, придем на ярманку, там у тетки Егорихи перекусим... Даст чего-нибудь поесть. У них теперь всего достаточно...

Сонька ничего не отвечала, и мать слышала только, как она в темноте шлепала босыми ногами. И сарафанишко на Соньке дыра на дыре, и кафтанишко весь обносился, – стыдно в люди показаться. У себя-то в Притыке хоть в чем ходи, привыкли уже все к непокрытой бедности. Ох, горькое дело эта бабья бедность, когда ниоткуда никакой подмоги. Живут же другие люди на белом свете... Эти горькие мысли стояли у Афимьи на сердце, как давнишнее несчастье.

Было уже часов девять, когда вдали мелькнуло неясное зарево от ярмарки в Торговищах. Там все было устроено на городскую руку: и фонари, и трактиры, и театр – одним словом, чего душа просит. У Афимьи дрогнуло сердце, когда выступило впереди это ярмарочное зарево, и она опять присела на первый камень, чтобы перевести дух. В темноте

слышно было, как тяжело катились по грязной, избитой дороге возы с кладью, как фыркали лошади, почуявшие близкий ночлег, как переговаривались ямщики, шагавшие по грязной дороге рядом с возами. Под самым Торговищем место было беспокойное: того и гляди, товар срежут, а то и целый воз стащат. На тракту в ярмарку сильно пошаливали, так что был даже устроен казачий «бекет».

Сонька плелась за матерью с равнодушной покорностью и ни разу даже не спросила, куда и зачем они идут. Такая уж она выросла, точно деревянная. Вот есть да спать, так ее поискать. Задыхавшаяся от ходьбы Афимья чувствовала теперь какое-то озлобление против рослой и здоровой дочери, точно она отняла у матери всю силу.

– Все бы ты только жрала... – ворчала Афимья, поднимаясь. – Эх, затемнели мы, пожалуй, тетка-то Егориха укладывается спать.

А зарево все разгоралось, точно от настоящего пожара. Место было ровное, степное, а по нему, как по блюду, катилась степная реченька Мурмолка. Торговище появилось всего лет сорок, когда в степи, на берегу Мурмол-

ки, была найдена явленная икона Парасковей-Пятницы. Для иконы поставили деревянную часовенку, а около часовенки вырос степной сибирский торжок. Стали наезжать по осени, когда убирался хлеб, краснорядцы из ближайшего степного городка и торговали всяким товаром прямо с возов, потом выросли ярмарочные балаганы, лари и деревянные «ряды», и в результате получилось Торговище. Сейчас это было настоящее село в несколько улиц и с каменной церковью. Несколько каменных двухэтажных домов, деревянный ярмарочный театр и каменные торговые бани на Мурмолке придавали ему даже городской вид, как уверяли местные патриоты. Но жизнь в Торговище продолжалась ровно месяц, пока происходила ярмарка, а затем это село засыпало на целый год, вплоть до следующей ярмарки. Больше половины домов заколачивалось наглухо, и Торговище являлось каким-то мертвым селом. Оставались только так называемые «жилыцы», то есть оставшиеся караулить мертвые дома. Одиннадцатимесячный сон с лихвой выкупался лихорадочным оживлением дико-

го ярмарочного месяца, когда днем кипела торговля, а ночью гремели своими машинами трактиры, распевали хоры арфисток и до утренней зари творилось всякое ярмарочное безобразие.

Афимья вошла в ближайший постоялый двор, запруженный обозными телегами и экипажами. Она прошла прямо в заднюю избу, где была «стряпущая» тетки Егорихи. Передняя изба была набита битком ямщиками, мелкими торговцами, прасолами и приехавшими на ярмарку мужиками, но места не хватило, и часть постояльцев перебралась в стряпущую, где управлялась тетка Егориха у громадной русской печи.

Тетка Егориха не выразила особенной радости, когда увидела Афимью.

– Давно не видались... – ворчала дворничиха, орудуя ухватом. – Сперва-то я тебя и не признала, Афимья: краше в гроб кладут.

– И то помирать пора, Егориха... В чужой век живу.

– На ярмарку помирать приволоклась? – ядовито заметила Егориха, оглядывая стоявшую рядом с матерью Соньку. – А это нешто

дочь тебе приходится?

Афимья застыдилась и только тяжело вздохнула, а Егориха оглядывала Соньку с ног до головы и качала головой.

– Ну и вырастила девку, нечего сказать... В кого она такая-то уродилась у тебя крупичатая?.. Не ущипнешь...

– Пятнадцать годков минуло в успенском посту... На бедность бог здоровья посылает. Может, в горнишные куда определяю...

– Так, – протянула Егориха и усмехнулась. – Ну, я с тобой покалякаю потом, а сейчас-то мне не до тебя. Как береста на огне, кручусь я день-то деньской... А ты, девонька, ужо поешь, – проговорила она Соньке, – да вот на лавочку за печкой и приляжь... Утро вечера мудренее.

Она сунула гостье кусок пирога и деревянную чашку со щами. Сонька присела к столу и принялась с жадностью за непривычную еду: дома она и во сне не видала таких щей. А Егориха смотрела на Сонькины голые ноги, покрытые грязью, на заплатанный вылинявший сарафанишко и опять качала головой, переполненной бабьими мыслями. Очень уж

красива из себя издалась девка: кровь с молоком. Волос русый, мягкий, шелк шелком, глаз серый с поволокой, румянец во всю щеку, а тело белое-белое, как у городской барыни... Ну и уродилась девка, всему миру на украшение. Одним словом: крупчатая. Егориха подлила Соньке щей вторую чашку.

– Ее не накормишь, прорву, – заметила Афимья.

– Пусть поест наших ярмарочных-то щей... Ешь, касатка.

Сонька, наконец, наелась, вытерла рот, по-деревенски, рукой и зевнула: ее томил крепкий молодой сон. Тетка Егориха увела ее за печку и сама уложила спать.

– Размалела девонька... – смеялась Егориха, возвращаясь к своим ухватам. – Это ее седы разобрало: как пьяная, так с ног и валится. И красоту же ты вырастила, Афимьюшка...

– Никто ее не растил; сама выросла. Телка холмогорская... Смучилась с ней. Самой есть нечего... голь непокрытая... Избенка провалилась совсем... Помереть бы так в самую пору. А она, Сонька, как на зло, вон какая лупоглазая...

Тетка Егориха слушала эти жалобные речи в полуха, потому что нужно было накормить запоздавшую ямщину; Афимья сидела на лавке против печи и слипавшимися глазами наблюдала лошадиную работу ярмарочной стряпухи. Проворная была баба, хотя и в годах, – за пятьдесят перевалило. Лицом не вышла тетка Егориха, такая рябая да скуластая, а уж все остальное, как у возовой лошади. Рядом с этой бабой-богатырем Афимья чувствовала себя уже совсем несчастной и никуда не годной.

– Эй, тетка, поворачивайся! – покрикивали ямщики из-за стола.

– Угорела я поворачиваться-то для вас, – огрызнулась Егориха.

Обозные ямщики ели, как едят только обозные ямщики: целый котел одних щей съели, пока от самих не пошел пар, как от загнанных лошадей. А там еще каша, да пирог с просом, да пирог с соленой моксуниной, да толокно с суслом. Ели до того, что приходилось распоясываться, потом отдыхать, запивать квасом и снова есть. Из едоков больше обозной ямщины едят одни пильщики. Афи-

мья сидела и смотрела на всех, как смотрит чужой человек, который боится «просидеть место» в чужом доме. Она чувствовала себя среди этих работающих могучих людей еще несчастнее, еще беднее, как, вероятно, чувствовала бы себя заплата на изношенном платье, если бы только она могла чувствовать.

— Ну, теперь мы с тобой перекусим чем бог послал, — говорила тетка Егориха, накормив ямщину. — Бывает и свинье праздник: так и мое дело... Ты, поди, притомилась с дороги-то, сердяга?

— Нет... неможется мне... Вся не могу...

— А мы полечимся малым делом...

Тетка Егориха поставила на стол сороковку и налила по рюмке. Афимья начала было отказываться, но хозяйка заставила ее выпить.

— С устатку-то оно пользительно, Афимья: по всем суставчикам, по всем жилочкам прокатится. Давно я тебя не видала... Гляжу даве на тебя и думаю: помрет Афимья не сегодня-завтра... До рождества, поди, не дотянуть?..

— Где тут дотянуть, когда с ног валюсь...

— Вот-вот... Беспременно этак в посту померешь, ежели протянешь до поста-то. Ох, горькая... Да ты ешь больше, может силы-то

прибавишь.

Угощая Афимью, Егориха, главным образом, не забывала себя и хлопала одну рюмку за другой. Скоро лицо у ней раскраснелось как кумач, глаза налились кровью, а язык начал заплетаться.

– Нет, Сонька-то у тебя... а? – повторяла она. – Репа другая такая-то уродится: ядреная, да белая, да ямистая... Ну что же, ей же лучше, значит, Соньке твоей. Верно я говорю?.. У меня есть и сарафанишко ситцевенький, и ботинки козловые, и платочек – обрядим девушку как следует. Кому ее такую-то грязную да рваную нужно... Да косу-то ту-угую заплетем, волос к волосу, штобы все форменно. А ты не сумлевайся: не ты первая, не ты последняя. Ох, и грех только с этими девками!.. Я-то не занимаюсь этим делом, а так, пожалею иногда, ну, сарафанишко дам, ботинки, платочек – для этого и держу... Не первая твоя-то Сонька. После какое спасибо говорят тетке Егорихе...

– Да уж не оставь, будь добренькая... В своей коже не выведешь ее на люди-то.

– И много их, таких-то, каждую ярманку из

деревень привозят: из вашей Притыки, из Облепихи, из Парменовского волока – со всей округи девок на ярманку волокут на службу.

Оглядевшись, Егориха подсела совсем близко к Афимье и принялась нашептывать:

– Ты только, мотри, сама все дело обору-
дуй, а то есть тут такие бабешки, которые
окручивают девок... Как раз ничего не полу-
чите. Мне-то все равно, а жаль, ежели девуш-
ка даром пропадет. Вчуже жаль... Ну, так уж
ты сама. Да што я учу-то тебя, глупая: лучше
меня понимаешь...

Афимья опустила глаза.

– Тошнехонько самой-то, – прошептала
она. – Тоже ведь родная дочь, хоть и не в зако-
не...

– Эка невидаль: одинова по рядам прой-
ти... Больше и не допустят. Да я бы сама, кабы
могла удосужиться... В лучшем бы виде все
устроила, сделай милость. Вот бы как: комар
носу не подточит... Главное, не продешевить
бы такую кралю писаную. Ведь такой другой
и не сыскать... Право! Личико-то еще ребячье,
а сама уж вполне – лучше этого скусу не быва-
ет...

У Афимьи тоже начинало шуметь в голове от выпитой водки. Непривычное дело, да и слаба она была, а тут как будто и легче. Э, все равно, не подыхать же в самом деле с голоду...

– А мне плевать... – храбрилась Афимья, стучая кулаком по столу. – Кто Соньку замуж возьмет? С лица-то не воду пить, а женихи выглядывают, где приданого больше дадут... А у нас одно приданое – голь перекатная. Истомилась я, тетка Егориха... Вытянулась... вся не могу. Ну, теперь Сонькина очередь...

– Да ты што Сонькой своей бахвалишься-то? – вздорила пьяная Егориха. – Гладкая девка, нечего сказать... А только ноне по деревням кругом таких крупичатых девок не оберешься: все московские гостинцы. Куда ни поглядишь – все девки на подбор... Раньше-то этого в заведении не было. Стыдились тоже... А нынче только давай денежки... Такая-то девушка, ежели с умом, ярманки две-три поживет в Торговище, так любой жених возьмет, потому – у ней свои деньги...

– У нас в Притыке после каждой ярманки свадьбы играют... Не брезгают... Ничего...

– Везде так-то, Афимьюшка... Это прежде строгость была на девок, а ноне развей горе веревочкой. Вот хоть тебя взять: из-за пустяков ты пропала тогда...

– А страму-то сколько напринималась, тетка Егориха? – плакала Афимья, отмахиваясь рукой. – Проходу не давали по деревне, как тяжелой ходила, а потом, как Соньку родила, – пуще того страм... Ребятишки Соньку и посейчас корят: «ярморошный калач». У нас всех так, кто не в законе... Ну, и ей ребячьим делом обидно, жалуется, а больно-то все же мне.

– И не говори, всякий издевался бы над нашей сестрой... Так, здря ты пропала, Афимьюшка. Вот, погляди, как Сонька замуж выскочит, ежели с умом... Ноне-то она еще молодая, а через год выйдет.

– Боюсь я... совестно тоже в ряды выходить.

– Ах, дура, дура... Какая там совесть, коли с голоду подыхать приходится. А вы так сделайте: будто на приданое собирать пошли порядам... Это наши же бабешки придумали. Ну, купцы и будут присматривать Соньку... Да не

льститесь на молодых: молодые-то обманчивы... Да от молодого-то сразу с гостинцем уйдет. А выбирайте этакое старенького, поласковее... Уж старенький-то не обидит... Много ли ему надо, а за свою охотку озолотит. Погонные есть старички на таких вот девчонках... Им не надо другую, а давай вот этот самый скус.

– Слыхала...

– И озорства от старенького не будет, а все честь честью. Не обидит сироту... Уж я эти дела вот как знаю: тоже на людях болтаюсь. Кабы сама молодая была, так не ломалась бы в стряпухах, да уж из годков вышла... Тьфу!.. Мелю и сама не знаю што...

Весь постоялый давно спал, только в стряпущей горела оплывшая сальная свечка, слабо освещавшая беседовавших женщин. Тетка Егориха уже давно клевала носом, но бодрилась, подогретая этими ярмарочными душевными разговорами. Дальше начались уж настоящие «бабьи шепоты».

– Я так полагаю, што четвертной билет... – шептала Афимья.

– Дура ты, вот што... Без сотельной и не

разговаривай...

– А не дадут?

– И с удовольствием... Две сотельных отвалит старенький-то, ежели разгорится сердцем. Бе-едовые из них издаются... Ничего не жаль!..

Тетка Егориха так и заснула, повалившись на стол, а Афимья прилегла на лавочку, да так и не могла глаз сомкнуть вплоть до белого света. И тяжело ей дышать, и грудь ноет, и холодом обдает, а в голове мысли разные, как камни, пересыпаются. Закроет глаза, как будто забудется, и сейчас же вздрогнет... Страх на нее нападает. Давно это было, как ее, круглую сироту, привезла на ярмарку двоюродная тетка и продала одному молодому купцу. Конечно, какой разум у глупой девчонки по шестнадцатому году – радехонька, что сарафан новый купец подарил, да ботинки, да платок. Да и купец нравился – белый да румяный, как теперь Сонька. Вся в него уродилась... Обещался в другой год приехать... Воротилась Афимья с ярмарки домой и почувствовала себя беременной. Пошла к тетке, а та ее срамить, да в шею. Так и износила свое бесчестье Афимья

одна и чуть рук на себя не наложила. Потом родилась Сонька... Тут и стыда не стало, а начала Афимья ждать ярмарки осенью в Торговище: приедет Василий Иванович, как звали Сонькина отца, и поможет ей, а то и совсем увезет. Что ему стоило, Василию Ивановичу, – богатый купец и три лавки с красным товаром в рядах держал. Только фамилию купца Афимья забыла, да и раньше не знала... И ждала же она этой ярмарки, как Христова дня: недели считала, дни считала, часы считала. Не каменный же человек Василий Иванович: увидит свою кровь Соньку и сжалится. Намаялась она за его лакомство, настыдилась, а девичьих слез и не пересчитать.

Наступила и ярмарка. Захватила Афимья с собой Соньку и отправилась в Торговище. Чего только не передумала она, когда подходила к рядам, где торговали красным товаром. Вот и лавки Василия Ивановича... Подошла она к первой, где он сам сидел, и видит, что кто-то другой торгует. И сердитый такой...

– Мне бы Василия Ивановича повидать... Он здесь торговал.

– Никакого Василия Ивановича нет, да и не

было никогда.

– Ну, уж это я знаю, какой Василий Иванович был...

– А знаешь, умница, так поищи хорошенько.

Сошлись купцы и подняли на смех несчастную Афимью, а она разревелась, – им еще смешнее.

– Ты бы на него тогда колокольчик надела, штобы не потерялся, – высмеивали московские краснорядцы-зубоскалы. – Фамилия-то как будет?

– Василий Иванович...

Так и ушла Афимья ни с чем, кроме того, что набралась нового сраму.

И вторую ярмарку так же было и третью: пропал Василий Иванович, точно в воду канул. Стала перебиваться Афимья от ярмарки до ярмарки, потом служила горничной, потом кухаркой на той же ярмарке, пока была в силах. Так и износилась заживо...

На другой день утром тетка Егориха поднялась в дурном расположении духа: у нее трещала голова с похмелья. На Афимью с Сонькой она не обращала никакого внимания и с особенным ожесточением совала свои котлы в топившуюся печь. Афимья не решалась первой завести речь об обещанной одежде и терпеливо ждала, когда тетка Егориха заговорит сама.

Немного прочухавшись, стряпуха добыла из сундука сарафан из дешевенького ситца, ботинки и платок.

– Ну-ко, рвань деревенская, оболокайся! – сердито командовала Егориха, тыкая в нос Соньке своей одеждой. – Да рожу-то сперва вымой...

Туалет происходил за печкой, чтобы не видно было мужикам. А потом тетка Егориха устыдилась собственной грубости, посадила Соньку на лавку и сама расчесала ей голову и заплела тугую косу.

– Ну, девушки, теперь совсем... – проговорила Егориха, оглядывая Соньку с ног до головы. – Кабы тебе прицепить хвост, так полная бы барыня вышла... Пора, Афимьюшка. Эх, жисть наша бабья...

После бессонной ночи Афимья едва держалась на ногах. Когда-то красивое лицо было покрыто мертвой бледностью. Сонька ничего не понимала, для чего ее обрядили, и вопросительно смотрела то на мать, то на тетку Егориху.

– Ну, ступайте, горькие... – выпроваживала их Егориха. – А ты, Афимьюшка, попомни мой-то наказ... Ну, чего еще стоите столбами, деревня немшоная!..

Афимья плохо помнила, как они вышли на улицу, как дошли до церкви, как повернули мимо ярмарочных палаток и ларей к деревянным рядам, пестревшим яркими вывесками. Народу было нетолченая труба, и Афимья боялась только одного, как бы не встретить своих притыканских: увидят обряженную Соньку и подымут на смех.

Вот и ряды с красными товарами... Афимья остановилась перевести дух: ее точно душила

какая-то невидимая рука, а в глазах шли круги и красные пятна. Сонька с любопытством глазела на пеструю толпу, сновавшую у рядов. Шли, ехали, галдели, размахивали руками, божились, ругались – одним словом, ярмарочная толпа. Главными покупателями являлись, конечно, деревенские. Около рядов особенно много было баб. Из сотни этих толкавшихся и глазевших баб покупала одна, а остальные могли только завидовать этим редким счастливицам. Главная покупка красного товара шла на осенние свадьбы. Краснорядцы выскакивали из лавок и зазывали покупателей с московским нахальством, чуть не хватая их за горло.

– Эй, тетка, у нас покупала! – ревел краснорожий молодец, галантно изогнув весь свой корпус. – Сегодня на деньги – завтра в долг... Лутчие ситцы! Миткаль! Плис!.. Иголки, нитки, тесемки, каленкор!..

– Сукно, сатин, треко, драп... Пальты готовые!.. Пожжалуйте... Без запросу... Кто купит – три года спасибо говорит и других к нам же посылает. Шерстяные материи... люстрин... бумазея...

Где-то в ближайшем балагане немилосердно наяривала охрипшая шарманка и неистово выкрикивал Петрушка: «Кар-раул... ограбили! Утащили шапку из ежового меха, да шубу на меху из гусиных лапок, да железную трубу от серебряного самовара, да прошлогоднего снегу воз, да два фунта дыму... Ой, батюшки, ограбили!..»

У Афимьи захолонуло на сердце, когда они подошли к первой лавке. Она вошла и остановилась у порога, заслонив Соньку одним боком.

– Тетка, что покупаешь? – пристал к ней краснорожий молодец.

– Мне бы хозяина повидать...

Молодец смерил Афимью с головы до ног, ослабил и молча ткнул пальцем на конторку, за которой стоял бородатый купец.

– Не будет ли милости на бедность... – заговорила Афимья. – Дочь вот невеста... Замуж хочу выдавать...

Купец отодвинул счеты, поднял глаза на просительницу и отрезал:

– Мы эфтакими делами не занимаемся... Проходи. Эй вы, очертелые, зачем всякую

шваль пускаете?..

Когда Афимья вышла из лавки, между молодцами поднялся шепот и смех.

– Невесту повели!.. – галдели краснорядцы. – Кто дороже даст!.. А девка ничего: мак...

Во второй лавке Афимью и Соньку обступили молодцы и загалдели прямо в лицо: хозина не было в лавке.

– А жениха-то где возьмешь, тетка?.. Тоже бы привела показать: оно бы куда жалобнее вышло.

Старый седой приказчик, стоявший у кассы, сердито отплюнулся и, сунув Афимье двугривенный, выпроводил ее.

– Иди-ка, матушка, лучше домой да не страми дочь... – посоветовал он. – Тоже, крестьяны здешние: вконец около ярмарки измалодушествовались. Родную дочь повела...

В третьей лавке хмельной купчик подарил Соньке платок и все хотел ее обнять, но она убежала. Кое-где давали мелкую монету или обрывок ситца и везде встречали и провожали шуточками, насмешками и грубым издевательством. У Соньки выступали уже слезы на глазах, и она одной рукой крепко уцепилась

за мать.

– Мамынька, пойдём домой... – шептала она.

Без того взволнованная и огорченная, Афимья ударила Соньку кулаком в бок так, что та разревелась совсем уж не к месту. Их окружила хохотавшая толпа.

– Вот так невеста!.. О-хо-хо!.. Ее еще с ложки кашей надо кормить.

Взбешенная Афимья ударила Соньку по лицу, а потом схватила за косу и сбила платок с головы. Кругом стоял настоящий стон от хохота. Но вдруг толпа расступилась, и подошел седенький розовый старичок.

– Нехорошо, милая... ах, нехорошо! – уговаривал он расходившуюся Афимью, придерживая ее за руку. – Первое дело, в публичном месте не дозволено производить скандал, а второе... Эй, вы, что вы в самом-то деле проходу не даете бабе! Ну, ступай, милая, своей дорогой...

Афимья обрадовалась случаю и чуть не бегом потащила Соньку вперед, только бы уйти из проклятых рядов. Когда она шла уже по площади, ее догнал купеческий молодец и та-

инственно пригласил следовать за собой. У Афимьи екнуло сердце, как у рыбака, у которого клюнула большая рыба. Молодец повел женщин позади рядов, где свалены были пустые коробья, сундуки и всякий хлам, а потом задней дверкой в какую-то контору при лавке. Там уже ждал их тот самый седенький старичок, который только что освободил их от нахальной толпы. Он сделал молодцу знак, и тот исчез, как тень.

Старичок припер дверь и заговорил:

– Ну, невеста, будет тебе реветь-то... хе-хе! Слезы-то твои уже шелковым платочком утрем.

– Девичье дело... застыдилась малым делом... – оправдывалась Афимья, оправляя платок на голове Соньки. – Пристали охальники... ржут...

– Все исправим... – повторял старичок, притягивая Соньку к себе за руки. – Сколько тебе лет? А зовут как?.. Словом, девушка, нечего сказать: ходить бы тебе в кумаче да в шелку.

Он ласково потрепал ее по заалевшей щеке, а сам так и впился в нее глазами. Очень уж аппетитная штучка... Всем взяла – и ро-

стом, и лицом, и румянцем, а глаза совсем бархатные. Сонька тоже смотрела на ласкового старичка и улыбалась: ей вдруг стало весело. Вот эта улыбка точно обухом ударила старика по голове... Он выпустил Сонькину руку и весь побледнел. Губы что-то шептали и не могли выговорить. Старик смотрел то на мать, то на дочь и напрасно старался что-то припомнить, как неожиданно разбуженный человек припоминает вылетевший из головы яркий сон.

– Так... так... – шептал он. – Софьей, говоришь, звать?.. Да... Так-с. А тебя Афимьей?.. Ну-ко, ты, Сонюшка, выдь малым делом, а мы тут потолкуем...

Когда девушка вышла, старик ухмыльнулся, припер дверь и вполголоса повел переговоры. Афимья старалась не смотреть на него и машинально повторяла подсказанную Егорихой цифру.

– Дорожишься маленько... – торговался старичок, соображая что-то про себя. – Таких-то невест по ярмарке ходит сколько угодно...

– Много их, да супротив моей Соньки ро-

жей не вышли...

– Так, так... Вот што я скажу тебе, миленькая: ты посиди пока здесь с Сонькой-то, а я за деньгами в банк съезжу. При себе-то таких больших денег не держу...

Афимья согласилась. Старичок впустил Соньку и по пути ущипнул ее за щеку.

– Подождите меня, красавицы, а я живой рукой оберну.

Старичок еще раз пощипал Соньку по щеке и, приподняв ее лицо за подбородок, проговорил:

– Ну, улыбнись, ягодка... хе-хе!..

Он опять впился в нее своими ласковыми глазами и опять почувствовал себя жутко, когда Сонька засмеялась от щекотки.

«Она и есть!..» – думал старик, припирая дверь, чтобы гости не ушли без него.

Он ужасно торопился и, схватив первого извозчика, велел ехать к исправнику. На его счастье исправник был дома. Старик сунул стражнику какую-то мелочь и просил доложить о себе не в очередь: другие просители могли ждать. Исправник, Иван Семеныч, знал его лично и не заставил просить во второй

раз.

– Что так ускорился, Василий Иванович? – пошутил исправник, когда старик вошел к нему в кабинет.

– Да уж так-с... Особенное такое дельцо-с, Иван Семеныч. Даже, можно сказать, из ума вышибло...

Он, видимо, стеснялся, с чего начать, и все поглядывал на дверь, а потом махнул рукой и торопливо рассказал про свою встречу с Сонькой.

– Ну, так что же? – улыбнулся исправник, молодцевато подмигнув. – Ах, шалун... Давно надо богу молиться, а он вон что придумал... Хе-хе!..

– Нет, вы послушайте-с, Иван Семеныч... Действительно, был и такой грех: польстил-ся. Уж очень хороша девочка: один сок... Хорошая. Послал я за ними молодца, ну, то-се, разговариваю, а как она улыбнется, значит, Сонька...

– Ах, Василий Иванович, Василий Иванович... Нехорошо... – повторил исправник, качая головой. – Ведь вы, москвичи, весь уезд у меня развратили, а кругом Торговища верст на два-

дцать все население незаконнорожденное.
Ну-с, улыбнулась Сонька и...

– Меня точно обухом по голове: дочь у меня есть, так вот как есть вылитая Сонька... Даже страшно мне сделалось. Потом гляжу я на мать-то: мой грех был. Еще подумал: как раз годы-то Сонькины сходятся. Ну, уж тут мне совсем муторно сделалось: моя кровь эта самая Сонька...

– Вот так фунт!..

– И, например, эта ее мать желает непременно продать ее, Соньку, а Сонька, например, моя кровная дочь... И продаст!.. Вот я и пришел к вам, Иван Семеныч... Явите божескую милость, насчет Соньки, например, чтобы сраму этого не было.

Иван Семеныч сделал большие глаза и покачал только головой: в его практике это был еще первый случай.

– Что же я могу сделать, Василий Иванович? – соображал он. – Сегодня помещаем продать – завтра продаст... Выслать в деревню могу.

– Нет, зачем высылать – опять придет. А нельзя ли ее задержать на время ярмарки

вместе с дочерью, а потом уж выпустить? Например, я объявлю подозрение на них вот сейчас же, а вы их на цепочку... Жалеючи Соньку, хлопочу, Иван Семеныч. Тоже ведь не чужая... Ох, грехи, грехи!.. И, кроме всего этого, я желаю ее обеспечить, значит, Соньку...

Старик достал бумажник и выложил перед Иваном Семенычем пятирублевую ассигнацию.

– Когда из высидки выпустите их, так это Соньке на приданое, – не без самодовольства проворчал он. – Тоже и на нас крест есть... Можем чувствовать.

Афимья с Сонькой действительно просидели всю ярмарку в кутузке по подозрению в краже бумажника у Василия Иваныча, а потом были выпущены. Сонька не получила и того «приданого», какое ей оставил Василий Иваныч...

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые рассказ напечатан в газете «Новости и биржевая газета», 1891, 13 и 20 декабря, за подписью: «Д.Мамин-Сибиряк».

Рассказ был включен автором в III том сборника «Сибирские рассказы» (1905). Включая рассказ в сборник, автор подверг его стилистической правке.

В 1912 году рассказ был перепечатан журналом «Пробуждение» (NN 1, 2), причем редакция журнала допустила произвольную правку текста.

В настоящем собрании сочинений текст рассказа печатается по изданию: «Д.Н.Мамин-Сибиряк, Сибирские рассказы», т. 3, 1905.